

Федор Абрамов Старухи abramovfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!
Федор Абрамов

Старухи

Я приехал в деревню без всякого предупреждения, в жаркий июльский полдень и, конечно же, в доме моего покойного брата никого не застал: все были на лугу, под горой, – и сама хозяйка, и ее дети.

Недолго раздумывая, я забросил чемодан в сени (у нас, на Севере, все еще живут по старинке, без замков) и покатил к тетке – уж она-то, старая старуха, наверняка дома.

Так оно и оказалось: тетка была дома, да не одна, а со своим старушатником – я за версту услыхал раскатистый смех из открытого окошка.

Тетка Люба, или Любка-прыть, как больше зовут ее в деревне, человек удивительный. За свои восемьдесят с лишним лет она, кажется, не хаживала шагом. Все бегом, все с вытянутой вперед головой, а в молодости, рассказывают, дело доходило просто до уморы. Раз пошла она на игрище в паре с кавалером, да забылась и давай махать во все лопатки. Опомнилась, аж когда люди кругом заржали.

Но главный-то теткин дар, который издавна притягивает к ее дому и старых и малых, – было слово. Тут она и подавно равных себе не имела. Уж как почнет чудить-скоморошить – про все забудешь: и про горести свои, и про усталь. «У нас так у отца было заведено, – говаривала тетка как бы в свое оправдание, – с опущенной головой гостя из дому не выпускать».

Я переступил теткин порог как раз в ту минуту, когда она, стоя посреди избы, маленькая, сухонькая, босиком (летом она обутки не признавала), что-то с жаром рассказывала хохочущим старухам.

Меня тетка попервости не признала – лет пять уж начала спотыкаться на глаза, и только когда ее дочь Анна, тоже уже по годам старуха, с притворной строгостью прикрикнула на нее (дескать, не видишь, кто к нам пришел), она живехонько посеменила ко мне навстречу.

Мы поздоровались по-старинному – в обнимку, прикладываясь щекой к щеке, и Анна по этому поводу заметила:

– Вот какая у них дружба, жонки. Посмотрите-ко, посмотри!

– Дак ведь у ей роднее и родни нету! – съязвила какая-то старуха.

Раздался дружный смех: всем было известно, что мы с теткой родня, как говорит, на девятом киселе и что называть меня своим племянником она стала ради красного словца. Как-то сидели у нее вот так же, как сегодня, старухи, вспоминали свою молодость, тетка возьми и скажи мне:

– А знаешь-ко, Александрович, ты ведь мне родником должен быть.

– Родником?

– Да. Я ведь за брата твоего отца, Павла, собиралась было, да у его, у растяпы, догадки не хватило за мной поухаживать, вот я со зла-то и вышла за своего Луку.

На меня, как на свежего человека, приехавшего из большого города, старухи навалились всем скопом, едва я присел к столу. Все их интересовало: наши полеты в космосе, наши дела, касающиеся войны (это, конечно, в первую очередь – жуть, как народ не хочет войны), заработки в городе... Ну и, само собой, выпрашивали про мою жизнь: где служу (мою писательскую работу они всерьез не принимали), сколько получаю, на чем приехал из района – вместе со всеми в пыльном автобусе трясся или, сидя вразвалку, на цветастом ковре райкомовской легковухи?

Я отвечал нехотя, скороговоркой – мне самому хотелось спрашивать их: вы-то как теперь живете? У вас-то что нового?

Татьяна Марковна, здоровущая, краснощекая старуха, одетая по-городскому, заговорила первой:

– Ох уж наши новости! Какие у кулика на болоте новости, так же и у нас. Кто родился, кто напился, да кто убился – вот и все новости.

– Да какое болото наша деревня – на горе стоит? – с ходу возразила ей тетка и даже кулачишком своим сухоньким пристукнула по столу. – Люди из города приезжают – не нахвоятся. Такой красы, говорят, как ваша, во всех краях поискать, за морем нету, а она – на-ко – свою деревню хаять.

Тут я должен заметить, что Любава Лазаревна – такое полное имя у тетки – не только за родную деревню вступилась, которая и на самом деле хороша. Она терпеть не могла эту спесивую, забуревшую горожаху. В колхозе не рабатовала, век на чужой шее сидит – то на мужниной, то на сыновней, в деревню наезжает как дачница, только летом, – да ей ли судить-рядить?

– Нет, нет, – сказала тетка, – не болото наша деревня. А хоть бы и болото – что с того? Журавли тоже из болота на свет вылетают, вот.

Самолюбивая Татьяна Марковна шумно запыхтела – нож по сердцу ей обида, да еще на людях, а я поднял глаза к передней стене, где над окошком, рядом с зеркалом, висела увеличенная фотография Вани, теткиного внука, – это ведь его она имела в виду, когда сказала о журавлях. Ваня был парень сухой, долговязый, и тетка частенько говаривала: «Где тот у нас, журавей-от, нейдет?» Или: «Подождем-подождем за стол садиться. Вот-вот прилетит наш журавей».

Фотография Вани – веселая открытая мордаха – была на старом месте, но кого же я увидел в простенке между ним и божницей? Сталина. Да, да, самого Иосифа Виссарионовича.

Помните – влажный зачес назад прямых, еще темных волос над низким и узким лбом, тяжелые каменные скулы азиата и по-отечески ласковые, в легком прищуре глаза...

Так вот, именно этот самый портрет, так хорошо памятный мне по тридцатым годам (мы тогда, молодежь, молились на него), увидел я на передней стене у тетки. На самом видном месте. В рамочке. Под стеклом.

Изумлению моему, как нетрудно догадаться, не было предела. Ведь это не в городе я вижу, не у какого-нибудь воздыхателя по тому золотому времечку, а у тетки, старой неграмотной крестьянки, – ей-то зачем это добро?

– Развесила! – хмуро кивнула в сторону тетки Татьяна Марковна. Она, конечно, не могла упустить такой случай, чтобы не ковырнуть тетку, тем более что в политике разбиралась: беднячка и активистка в прошлом – раз, а во-вторых, где живет? В городе. – Развесила! – осуждающе сказала Татьяна Марковна, – Людей-то пугаешь! Нельзя ведь – культ... – Последнее слово она выговорила с завидной четкостью и уверенностью. Чувствовалось, что оно у нее здорово обкатано.

Но черта с два возьмешь тетку голыми руками! Ведь вывернулась – золотом ответила на серебро.

– Ничего, – сказала тетка и по-старинному, учтиво поклонилась Татьяне Марковне, – от этого куля стена не проломится.

Старухи, давно уже с любопытством посматривавшие то на тетку, то на Татьяну Марковну, заулыбались, запосмеивались – всем понравился теткин ответ, а Анна, истая дочь своей матери, та просто расцвела от удовольствия.

– Вот какая она у нас, бабы! Ничего не боится. Попробуй-ко поговори с ней.

– А чего мне бояться – еще пуще разошлась тетка. – Живой медведь не съел, а мертвый подавно не съест.

– Да ведь нельзя, говорю! – уже не заговорила, а зарычала Татьяна Марковна. – Забыла, что на собраньи-то говорили кой год?

– А чего не говорили, да мне можно, – опять с легким поклоном ответила тетка. – У меня от самой партии разрешение есть. Вот.

– Верно, бабы, верно, – быстро поддакнула матери Анна, – есть. Была тут у ей партия нонешней весной. Заседала. Ну-ко, бабка, рассказывай, как дело-то было.

Тетка – так уж принято у заправских рассказчиков – полomalась немножко, поплямкала своим беззубым, глубоко запавшим ртом, а затем живо, в лицах представила, как к ней завалились местные власти – парторг и председатель колхоза. Завалились по своему мужскому делу – тетка кивнула на посудный шкафчик, в котором вся верхняя полка была заставлена разными рюмками и стопками.

– Ну, у хозяина какая говоря? – по-председательски начала водить носом тетка. – Про живот, про хлебы – как живешь, бабка? А поп, – тетка и парторга по-своему называла, – а поп, тот опять про свое: где у тебя вожжи? Почему вожжей в избе не вижу?

– Ну а ты чего, мати? – с задорным подмигом спросила Анна.

– А я говорю, какие тебе вожжи-то надоть? Больно, говорю, часто меняете. У меня внук, говорю, велик ли годами – семьей еще не обзавелся, а уж два раза выносил свои патреты на подволоку, а мои-то патреты, – тетка кивнула на божницу, – знаешь, сколько стоят?

– Неужели так и сказала, мати? – с деланным испугом спросила Анна.

– Так. Да еще и присказала: почто новых вожжей в продаже нету?

– Ну а он чего?

– Ну а он ничего. Делом занялся. – Под дружный смех старух тетка показала, каким делом. – А потом и говорит: того, который без волос да закормленный, – нельзя, ни в каком разе, тот пущай и вперед на темной подволоке проживает, а тот, который с усами, того, говорит, можно и на свет, на того, говорит, послабленье ноне вышло.

– Послабленье? На его-то послабленье? – фиклистовна-слеза (всегда мокрые глаза) трясущейся рукой указала на переднюю стену. – Я не знаю, как у нас все делается. Одним скажут, другим нет. У нас тоже в анбаре патрет стоит. Хорошая рамочка, не хуже этой. Бутылка, бывало, плачена Васеньке-пузырю – деньгами не взял... Нельзя, говорит, за такое дело деньги...

– Да и у нас есть, – вздохнула подслеповатая Маша-репка. – Красивая картиночка. Все бы потеплее зимой было, закрыла бы какую щель...

Не знаю, чем бы кончился весь этот разговор. Скорее всего ничем, потому что главный-то заводила – тетка – к этому времени была занята уже другим делом – разжиганием самовара (сколько же можно угощать дорогого гостя речами!), да и старухи начали поглядывать на часы.

Солнце было уже далеко за полдник, подходила пора выгонять в ночное скотину (днем ходу ей нет из-за гнуса), и хотя буренки теперь были далеко не у всех, старая привычка сказывалась: старух в этот час охватывало такое же беспокойство и томление, как саму скотину. А потом – что толку в таком разговоре? Не забыли еще, как за слово таскали.

Короче, сегодняшний старушатник работу свою завершил. Иные даже встали, взяли за свои увесистые сумки с покупками – из магазина шли. Но тут в избу нежданно-незванно влетела Олена-горло, и всё опять заходило колесом.

Олена Сергеевна с лихвой оправдывала свое прозвище. Голосище – труба иерихонская. Заорет в нижнем конце деревни, а слышно в верхнем. Ну а насчет характера лучше и не говорить: сроду ни с кем не уживалась. Можно сказать, век в колхозе жила единоличницей, потому что никто не хотел работать с ней рядом – всех отпугивал ее поганый язык.

Так вот, Олена-горло запастила – очень распространенное у нас словечко для обозначения крика на пределе – без всякого предисловия, прямо с порога:

– Чего сидите насухо? Люди-то охалками вино из магази тащат.

– Да кто такой ноне богатый?

– Кто! Известно кто – скотницы. Та соплюха-то – Польша Олексеевны – вся-то с рукавицу, двести шестьдесят рубликов огребла. За месяц!

– За месяц? – ахнули в один голос старухи.

– Да! За месяц! Стоит перед прилавком, выколупывает: «Я белого не люблю, мне бы шинпанского бутылки три...»

– Чего-чего? – переспросила туговатая на ухо Маша-репка.

– Шинпанского, говорит. Жижа такая, как стечь кобыля, только подслащена... В темных зеленых бутылках с серебряным горлышком...

– Четыре рубли с копейками по-нонешнему стоит... – авторитетно начала разъяснять Татьяна Марковна.

Но Олена и ее под себя подмяла – не дала досказать.

– Заместо квасу, говорит, пить буду. А то по нонешней жаре все горло пересохло...

– За четыре-то рубля заместо квасу?

– Дак ты какой дырой-то слушаешь? – заорала Олена на тихую Павлу. – Говорю, двести шестьдесят рубликов за месяц отхватила, дак чего ей какой-то там четверик.

– А сколько же с таких денег пенсия-то ей будет? – полюбопытствовала, тряся головой, Фиклистова.

– Да уж не с твое – не двенадцать рублей!

– У моей снохи сестра в совхозе агрономша, дак у них доярки ины по восемьдесят рублей получать будут, – сказала Татьяна Марковна.

– По восемьдесят?

В избе наступила гробовая тишина, даже тетка у печки перестала трещать лучиной – никак не разжигался самовар, потом вдруг хлопнули двери, загрохотали ворота – это Олена-горло выскочила на улицу. Так вот всегда: налетит, взбаламутит людей и вон.

Никогда не унывающая тетка Люба и на этот раз не изменила своему характеру.

– Ладно, давай, – начала она вразумлять старух, – с голоду не помираете. А денежных людей на том свете в ад – разве забыли «Страшный суд»? Бывало, у входа в монастырь висел...

Ее поддержала Анна:

– Верно, верно, мати. Всего вина не перепить, всех денег не прожить. Это кто, бабы, у нас говаривал? Ваня-грыжа, кабыть.

Но нет, и эта хитрость не удалась. Завсхлипывали, запричитали бабы – сперва тихонько, вполголоса, а потом все пуще, пуще, и вот уже сплошной вой и рев стоит в избе.

Я не сразу понял, из-за чего так убиваются мои землячки. Ведь не голодны же! А одеты, обуты – разве сравнишь с прежним? Так чего же им надо? Чего они хотят-требуют, протягивая ко мне свои старые, заскорузлые руки?

Справедливости. Прежде всего справедливости. Потому что разве не горько, не обидно это? Вкалывали, вкалывали всю жизнь, рвали из себя жилы – в колхозе, в лесу, на сплаве, сытыми бывали – по пальцам сосчитаешь года, а старость подошла – что отвалили им, во что оценили их нечеловеческий труд?

Да, да, да! На моих глазах проходила жизнь этих великомучениц, которых у нас иначе не называли как пережитками капитализма. Дескать, какие же это люди – темные, неграмотные, насквозь проросшие коростой собственничества! Вот погодите,

новый человек вырастет – на него полюбитесь!

Новый человек вырастет – не сомневаюсь. Но пройдет ли по Русской земле еще раз такое бескорыстное, святое племя?

Вот сидит напротив меня с заплаканным страдальческим лицом старая фиклистовна. Руки трясутся, голова трясется – отчего? Отчего она ночи напролет кричит и стонет, не дает покоя дочери?

Тридцать лет фиклистовна обряжалась с коровами. Тридцать. С первого дня колхозной жизни, когда еще не было общих коровников. Утром встань ни свет ни заря, коров подои, воды нанеси, навоз выгреби, потом лети домой как угорелая: свою корову обряжай, печь топи, семью корми. А с домом кое-как управилась – опять работа: за подкормкой ехать надо, а то еще и на сенокос да на силос беги. А за подкормкой раза два-три съездила – уж вечерняя дойка подошла. И опять колесом, опять сломя голову...

И так тридцать лет. Каждый день. Без выходных.

Так ведь это хорошо еще, когда скотина дома, – а каково осенью, когда скотина в отгоне и ты утром и вечером шлепаешь пять-шесть верст туда да обратно, через наши богом проклятые сузёмы?[1]

Раз, бродя с ружьишкой по лесу, я видел, как фиклистовна со своими напарницами возвращалась домой. Погода была ужасная – дождь, слякоть. Лошаденка, выбившаяся из сил, застряла в грязи посреди дороги. Ее стегали, били, упрашивали, умоляли – все бесполезно. И тогда что же сделала полубосая, закованная фиклистовна? Ввалила бидон с молоком на спину и пошлепала, закачалась по лесной дороге.

А вот сидит рядом с ней Окуля Мишки Пашича. Румянощекая, гладкая старуха. И даже глаза у нее сухие – хуже горькой редьки ей всякая нудьга. Одним словом, бой-старуха. Но я-то не забыл, как она летним вечером в сорок втором, кружась по песчаному пустырю между церковью и школой, навзрыд плакала.

Мне сперва подумалось: напилась Окуля – любила до войны погулять. А оказалось, у Окули куриная слепота и она никак не может попасть на дорогу. И тогда я взял ее за руку и, как малого ребенка, повел домой.

Марья Тихоновна, прости. Не хотелось бы называть тебя лишним раз уличным прозвищем Репка, но как не вспомнить сейчас, за что ты отсидела до войны пять лет. За репки, которые ты сорвала на колхозном поле. Сорвала для того, чтобы заткнуть рот голодным ребятишкам – будущим солдатам Родины, трое из которых так и не вернутся с войны...

Жаль моя, боль моя неутраченная, голубица непорочная! Ну чего ты сидишь, жмешься, как сирота, у самых дверей? Почему не подойдешь к столу?

Нет, не подойдет Оля-дева к столу, сколько ни зови. С места не сдвинется сама.

Пятнадцать весен подряд была она на сплаве, до белых комаров, до ледяной шуги бродила с багром в осенней воде, – а обутка у колхозницы какая? Вот и осталась без ног, еще не старая, с кроткими, покорными глазами, с чистой, как ленок, девической головой.

Живет Оля-дева одна в малюсенькой избушке-задворенке, построенной ей из жалости братом (не колхозом, нет). Возле избушки лоскуток житца – на прибавку к двенадцатирублевой пенсии, немножко картошки, луку, а в крохотных оконышках красные огоньки герани. Для красоты.

Я несколько раз пытался проникнуть в эту убогую избушку, словно из сказки занесенную в наш железный век, но Оля-дева, обычно такая деликатная и уступчивая, всегда находила какой-нибудь предлог для отказа. Она стыдилась своей бедности.

Я приоткрыл немного жизнь четырех старух. А ведь тут была еще Исааковна, была Павла Егоровна, Суса-лешачиха, которая с двенадцати лет начала ломить в лесу. А тетка Люба – Любава Лазаревна?

Встаньте, люди! Русская крестьянка идет. С восьмидесятилетним рабочим стажем. Да, да, да! На пятом году взяла тетка грабли в руки, да так до сих пор и не выпускает их.

Старухи плакали, рвали мое сердце слезами, жалобами и снова и снова заставляли меня оглядываться назад, на тот крестный путь, который они прошли.

Коллективизация, война, гибель мужей и сыновей на фронте, раннее вдовство и безотцовщина, разруха послевоенная, голод, налоги – в дугу согнись, и в конце как итог всего этого – двенадцатирублевая пенсия...

О, сколько раз я выходил из себя, стучал кулаком где надо и не надо, взывал к пониманию, к сочувствию, и сколько раз получал убийственно спокойный ответ: «По закону».

По закону, потому что пенсия начисляется с зарплаты, – и какая зарплата у колхозницы в прошлые годы?

Дикая, чисто чиновничья логика! Раз тебе годами ничего не платили за твою работу, раз у тебя годами задаром забирали выращенный тобой хлеб, молоко, масло, овощи, значит, тебе не положено и нормальной пенсии...

Я попросил у Анны бумаги, дерзкая мысль обратиться с письмом в Верховный Совет (как раз в то время была очередная сессия) пришла мне в голову.

– Напиши, напиши, Александрович, – разом воспрянули старухи, когда я рассказал им, что надумал.

– Так, так, родимушко. Не типере сказано: под лежач камень вода не течет...

– А матенка-то твоя на том свете возрадуется. Ведь и она не на закрайке поля была... Не от сладкой жизни семь годков в параличе лежала...

Никогда еще у меня не было такой ясности в голове. Я начал строчить с ходу, без остановки. Так и так, дескать, дорогие товарищи, к вам обращается группа престарелых колхозниц с настоятельной просьбой увеличить размеры колхозной пенсии, ибо нельзя прожить человеку на двенадцать рублей. Да разве они и не заслужили, чтобы за свой беззаветный, нечеловеческий труд иметь обеспеченную старость? Дальше, как мне казалось, я поднялся просто до высот государственного мышления: я указал, где взять деньги.

Нет, нет, не из государственного кармана. Не за счет дополнительных ассигнований колхозам, а за счет маленького перераспределения в фонде заработной платы. Председатели колхозов, механизаторы, доярки, бригадиры – словом, все те, кто сегодня в деревне получает большие деньги, неужели они будут возражать против того, чтобы из ихней зарплаты ежемесячно сколько-то отчислять рублишек в пользу колхозных ветеранок? (О ветеранах можно не беспокоиться. Русские мужики редко доживают до старости. Они либо погибают на войнах, либо сгорают в послевоенные лихолетья.) Больше того, я предлагал с подобным призывом обратиться и к высокооплачиваемым людям города – ведь они-то, если говорить начистоту, еще в большом долгу у сегодняшних старух деревни...

В общем, письмо было готово, оставалось только поставить подписи.

– Ну, кто самый храбрый?

Я шутил, я торжествовал – наконец-то сделано дело, которое столько лет тяжелым камнем лежало на моей душе.

Старухи молчали. Их, еще какую-то минуту назад жалкие, размягченные слезами старые лица начали каменеть на моих глазах.

В чем дело? Чем я обидел их? А может, это извечный страх русского человека перед бумагой вдруг заговорил в них?

Я терпеливо начал разъяснять их собственные права, важность написанной мной бумаги.

Ни слова в ответ. Казалось, не живые, а каменные скифские бабы сидят вокруг меня.

Наконец тягостное для всех молчание нарушила Татьяна Марковна. Она встала и с прямою колхозной активистки начала тридцатых годов рубанула:

– Не сходите с ума-то! Умный человек в реку без броду не полезет, – а вас куда, старых дур, понесло? В политику!

В политику... Слово это, как электрический ток, встряхнуло старух. Они подняли головы, посмотрели друг на дружку и вдруг все поняли.

– Да, да, неладно едак. У меня Миколай партейной – чего ему скажут?

– Да и у меня Надежда учительница. Тоже по головке за такую мать не погладят. Куда, скажут, смотришь?..

– Нехорошо, нехорошо, Федор Александрович. Мы люди темные, неученые, а ты ведь все ходы-выходы знаешь...

– Господи, мала пензия! Да раньше в колхозе робили и за работу ничего не получали. А сейчас сидим – пасть целый день дерем, – и денежки идут...

– Хорошо, хорошо, бабы. Двенадцать рублей тоже не валяются. Одного хлеба сколько можно купить...

– Да и на чаек-сахарок чего останется. Ведь уж так по доходам и живи...

– Нет, нет, спасибо Советской власти! Не забыла нашу старость. Я кажинный божий день за ей молюсь и сейчас помолюсь. – И тут набожная фиклистовна – это она своим тонким плаксивым голосом прорыдала над моим ухом – поднялась на ноги, повернулась мокрым, просветленным лицом к божнице и трясущимися, изуродованными ревматизмом пальцами начала творить крестное знамение.

Вслед за фиклистовной перекрестились еще несколько старух. Тетка Люба – сроду не видал ее за этим занятием – тоже наскоро мотнула сухой коричневой ручонкой. Потом в сопровождении обеих хозяйек гости вышли на крыльцо, довольные, говорливые, – так-то хорошо посидели!

Я остался в избе один. Вернее, вдвоем с ним.

Давно, давно не верю во всякую чертовщину, но, честное слово, в эту минуту мне показалось, что Он своим прищуренным глазом внимательно смотрит на меня. Смотрит и самодовольно улыбается: «Надо знать своих земляков, товарищ писатель»...

Ну что я мог возразить на это?

1969 год

Примечания

1

Сузём – сыролесье.
(обратно)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!